

ката. Какими бы языковыми средствами ни была выражена функция, какие бы варианты реализации она ни имела в разных ареалах славянской традиции, все их следует признать тождественными инварианту, если она удовлетворяет вышеуказанному определению.

Наконец, мифология стала пониматься не как набор неких неподвижно закрепленных в ней единиц, а как весьма подвижная система, являющаяся отражением того, как национальное сознание познает и классифицирует тот или иной объект, в данном случае мифологическое. Мифологическая система — это не набор мифологических персонажей плюс непонятное нечто, это совокупность мифологических функций, которые находятся по отношению друг к другу в разной связи, соединяются в пучки, обладающие разной степенью субстантивной или предикативной оформленности.

Литература

- Зеленин 1995 — Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. М., 1995.
- Левкиевская 1993 — Левкиевская Е. Е. Мифологические имена-апогтропеи в карпатском ареале // Символический язык традиционной культуры. М., 1993. С. 93–102.
- Левкиевская 2000а — Левкиевская Е. Е. Мифологические персонажи в славянской традиции. Восточнославянский домовой // Славянский и балканский фольклор. М., 2000. С. 96–161.
- Левкиевская 2000б — Левкиевская Е. Е. Полесские и севернорусские материалы о домовом // Славянский и балканский фольклор. М., 2000. С. 377–398.
- Схема 1989 — Виноградова Л. Н., Толстая С. М. и др. Схема описания мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы. М., 1989.
- Славянские 2000 — Славянские мифологические персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская, А. А. Плотникова. М., 2000 (CD-ROM).

Ф. Р. Минлос

РЕФЛЕКСЫ ПРАСЛАВ. **CELC* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Общей особенностью восточнославянских языков является «полногласие»: праславянское сочетание **CVRC* (где *C* — любой согласный, *V* — **o* или **e*, *R* — **r* или **l*) имеет в качестве рефлекса сочетание [*CVRV*], где одна и та же гласная фонема стоит до и после сонанта. Только в одном контексте развитие полногласия осложняется изменением качества гласной: последовательность **CelC* в целом ряде надежных корней дает особый рефлекс — [*ColoC*] (при этом, если первый согласный был шипящим или аффрикатой (**š*, **ž*, **č*), на письме зафиксированы колебания в качестве первого гласного [*CeloC/ColoC*], которые несущественны для нашей темы). Но в некоторых корнях **CelC* все-таки дает [*CeleC*], иногда непоследовательно, с вариантом [*ColoC*]. В данной работе обсуждаются фонетические закономерности, которые могли стоять за дроблением рефлексов.

Если рефлексы вида [*ColoC*] общепризнаны, то отношение к рефлексам [*CeleC*] довольно неоднозначно. Так как эти рефлексy не соответствуют установленному фонетическому закону **CelC* > [*ColoC*], такая рефлексация оспаривается. Существует два направления критики рефлексов: с одной стороны, этимологии с праслав. **CelC* не признаются (многие из них действительно ненадежны; кроме того, общая особенность большинства корней с рефлексами [*ele*] — некоторая маргинальность, экспрессивность), с другой стороны, для признанных этимологий рассматриваются нефонетические варианты развития (перестройка слова по морфонологическим причинам, под действием аналогии). Так, А. А. Шахматов все случаи рефлексов [*ele*] объяснял как нефонетические: *челень*, *шелемь* как результат графической контаминации русских форм *челонь*, *шеломь* и церковнославянских *члѣнь*, *шлѣмь*; *ожеледь* возникла в результате контаминации с *гололедицей*; *пелевня* — под влиянием *пелы*, род. п. *пелъве* того же корня, смол. *пелескаться* — контаминация *плескаться* ~ *полоскаться* [Шахматов 1915: 153]. Кроме того, были предложены некоторые фонетические закономерности: указывалось на влияние предшествующего шипящего (как в словах *железа*, *желеду*, *ожеледица*, *челенок*) и последующего гласного переднего ряда (см. [Фасмер 2: 42, s. v. *желеду*]). Ясно, что одно лишь указание на позицию после шипящего не проясняет ситуацию не только потому, что остаются без объяснения другие слова с рефлексами вида [*CeleC*],

но и потому, что после шипящих возможен также рефлекс [CeloC], как в рус. *шелом*. Что касается указания на гласные переднего ряда, то читатель сам может оценить приводимый ниже материал: главная проблема этой гипотезы в том, что она слабо верифицируется или фальсифицируется: за корнями могли следовать разные гласные, а наметить направление, в котором продействовала унификация корня, затруднительно. Предлагается следующая версия фонетической закономерности (впервые сформулированная в [Минлос 2002]).

Праславянская последовательность *CeIC имеет в восточнославянских языках два рефлекса. Распределение обычно такое: [ColoC₂], если C₂ — губной или заднеязычный согласный, [CeleC₂], если C₂ — зубной согласный.

Представляется, что, несмотря на наличие исключений и неясность отдельных этимологий, указанное распределение описывает большую часть материала.

*CeIC > [ColoC₂]; C₂ — заднеязычный или губной:

1. *melko: рус., укр. *молоко* (сербохорв. *млѣко*, чеш. *mléko* и др.).
2. *pelva: укр. *полóва*, рус. диал. *полóва/пелёва* с акцентными вариантами (сербохорв. *плѣва*, чеш. *pléva, pleva* и др.). Существует интересное распределение фонетических вариантов *полова/пелёва*: вариант с [olo] характерен для юга и юго-запада России, а вариант с [ele] — для севера, далее на востоке представлены и тот и другой вариант, хотя северный вариант, кажется, более распространен (источники: [СРНГ; ДАРЯ III, карта 18], а также карта к статье [Мораховская 1981] — последняя кажется не совсем надежной). Обычно допускается возможность существования *peleva наряду с праслав. *pelva, см., в частности, [Меркулова 1981].
3. *selm-: др.-рус. *соломина* 'брус, перекидина' (болг. *слеме*; словц. *slēmā* — возможно, сюда же аномальное мезен. *шелѣмка* 'боковой шест палатки, устанавливаемый на лодках', см. [Фасмер 4: 423]).
4. *telkti: рус. праэт. m. sg. *толóк* (ст.-слав. *тлѣклѣ*). В русском имеется чередование *толок* ~ *толкла*; может быть, форма *толок* вторична (т. е. содержит второе полногласие), может быть, это чередование является результатом контаминации двух парадигм.
5. *šelmъ: рус., укр. *шелом* (сербохорв. *шлѣм*, словен. *šlem* и др.). Обычно считается, что рус. *ошеломить* восходит к тому же корню, однако в работе [Супрун 1972] представлена более доказательная версия — производность от блр. *шалом* 'шум'. Таким образом, вероятно существование омонимичного корня той же структуры.

6. *želbъ: рус. *желоб*, укр. *жѣлоб* (сербохорв. *жлѣб*, словц. *žliebok*).
7. *velkti: рус., укр. *волоку* (ст.-слав. *влѣклѣ*, чеш. *vleku* и др.).

*CeIC > [CeleC₂]; C₂ — зубной:

1. *belna: рус. *беленá* (сербохорв. редк. *блен*, словен. *blēn*, чеш. *blín*, словц. *blen*).
2. *čelnъ: укр. *челенок* 'кость, сустав в пальце', др.-рус. *челенькъ* (но рус. ц.-слав. *челонь* [Мейе 1951: 57]; словен. *člēn*, чеш. *člen*).
3. *meld-: рус. диал. *мелѣда* 'тягостная, бессмысленная работа, мешкотное дело', *мелѣдѣть* 'потемнеть в глазах' (сравнивается с сербохорв. *млѣд-нитѣ* 'слабеть', *млѣдан* 'худой', словен. *mledan* 'отошавший', в статье Л. В. Куркиной это прилагательное рассматривается как одна из характерных лексем северо-западной группы южнославянских языков ([Куркина 1986: 110]; далее предполагается родство с *moldъ, см. [ЭССЯ 18: 81]).
4. *melъ: рус. диал. *мѣлен*, укр. *мелін*, блр. *мялен* 'рукоятка ручной мельницы' (ср. *molъ > польск. *młon*). Обычно считается, что восточнославянское слово восходит к образованию с суффиксом *en.
5. *peldъ: рус. диал. *пелѣд*, *пелѣдá* 'навес над стогом хлеба' (по всей вероятности, заимствовано из лит. *pelùdė* 'амбар с мякиной').
6. *pelna/*pelena: рус., укр. *пеленá* (*зап.-слав. *pelna*: словен. *plenca*, чеш. *pléna, plena*, словц. *plena*; ю.-слав. *pelena: ст.-слав. *пелена*, болг. *пеленá*, сербохорв. *пелѣна*),
7. *seld-?: рус. *селѣдка*, укр. *селѣдець*, блр. *селѣдзѣць* (словен. *sled*, чеш., словац. *sled*, польск. *śledź*). Обычно предполагается, что в восточнославянском представлено «второе полногласие» при праформе *sald-, ср. пару *сельдь* ~ *селѣдка*, однако тогда не очень ясно, как объяснить западнославянские и словенскую формы. Конечно, фонетические различия могут отчасти объясняться тем, что в данном случае представлено несколько разных результатов заимствования из германских языков, ср. др.-исл. *sild*.
8. *selz-: рус., укр. *селѣзень* (сербохорв. диал. *сьез*).
9. *selz-: рус. *селѣзѣнка*, укр. *селѣзінка* (сербохорв. *слѣзіна*, чеш. *slezina*).
10. *želdti: др.-рус. *желѣдбою да желѣдеть* 'пусть платит пеню', см.: [Срезневский 1: 853] (ст.-слав. *телицеж да жлѣдеть* — Супр. 360: 13). Др.-рус. *ѣ* под влиянием церковнославянского.
11. *želd-: рус. диал. *ожелѣдица*, укр. *ожелѣдиця*, *о́желедь* 'гололедица' (ц.-слав. *жлѣдица*, словен. *žléd*).
12. *želza: рус. *железá*, другой рефлекс в укр. *залоза* (за- под влиянием приставки, как и в укр. *залізо*) и в приводимой у М. Фасмера др.-рус.

желоза (болг. *жлезá*, сербохорв. *жлѐзда*, словен. *žleza*). Нулевая ступень корня в польск. *zółta*, н.-луж. в.-луж. *žatza*.

В указанное распределение вписывается пара *шелест* ~ *шолох*, однако постулировать праслав. **šestь* затруднительно, потому что чеш. *šelest*, польск. *szelest* должны восходить к праслав. **šelestь*.

Кроме вариантных форм, приведенных выше, есть несколько корней, где представлено только нерегулярное [olo]:

1. **pelnъ*: рус., укр. *полѓн* (сербохорв. *плѓн*, чеш. *plen*). Восточнославянское слово имеет отчетливо книжное происхождение: оно стилистически маркировано и практически единственное его значение ('плен') контрастирует с набором разнообразных и вполне обиходных значений, которое дают другие славянские языки: 'добыча', 'ограбление', 'выручка', 'жатва, урожай'. Рефлекс [olo], возможно, относительно регулярен для какого-то идиома, на базе которого возник русский церковнославянский язык (ср. выше рус. ц.-слав. *челонъ*).

2. **melzivo/ʔmolzivo*: рус., укр. *молѓзиво*, ср. также рус. диал. *молостов* 'большой глиняный сосуд, горшок' (**melzivo*: словен. *mlezivo*, чеш. *mlezivo*; **molzivo*: польск. *młodziwo* 'молозиво', для которого предполагается влияние польск. *młody* 'молодой', см.: [Фасмер 2: 644], *młost* 'горшок для молока'). Возможно, в восточнославянских и польских словах здесь представлена о-ступень чередования, ср. слав. **molziti*.

Похожи на исключения два корня, заканчивающиеся на гласную:

3. **mel-*: рус. *молоть*, укр. *молѓти* (сербохорв. *млѓти*, чеш. *młíti* и др.)

4. **pel-*: рус. *полоть*, укр. *полѓти* (словен. *plѓti*, чеш. *plítí*).

Многочисленные формы, где за этими корнями следуют гласные (например, настоящее время **meljъ*), нас по определению не интересуют. Что касается суффиксов с согласными, то в большинстве форм это суффиксы с зубными. Однако в случае с **pel-ti* вероятно влияние форм настоящего времени типа **pelъp > *полоу* (ср. ст.-слав. *плѣво*), для которых фонетическое изменение можно было бы объяснить влиянием губного согласного. Что касается корня **mel-*, то для него подобные объяснения отсутствуют. Наоборот, еще одним исключением, в обратную сторону, можно было бы считать *мелево* 'зерно' <**melvo* (наряду с тривиальным дериватом рус. диал. пск. *молово* [ЭССЯ 18: 93]). Однако скорее всего рус. *мелево/меливо* является продолжением слав. **melivo*, а не **melvo*: на это указывает укр. *меливо*; севернорусская (архангельск., печор.) форма *мелево* не так надежна с точки зрения установления вокализма заударного слога.

Артикуляторная интерпретация для развития **CelC > [ColoC]* хорошо известна. Предполагается, что общевосточнославянское **l* по крайней мере в некоторых позициях произносилось как «велярное» [ʃ] ([ʎ] в

кириллической транскрипции). Артикуляционно [ʃ] и [ʎ] обычно противопоставлены по нескольким параметрам, однако в данном случае имеет значение поведение спинки языка: при произнесении звука [ʃ], но не среднего [ʎ], задняя часть спинки языка приподнята к мягкому небу. С другой стороны, именно этим и различаются [e] и [o]: при произнесении последнего задняя часть спинки языка приближается к мягкому небу, что и объясняет переход [e] > [o] в соседстве с [ʃ]¹.

Если этот переход действительно блокировался зубными или небными согласными, то это происходило оттого, что для их произнесения язык должен занимать более переднее положение, которое ограничивало движения задней части спинки языка.

Хотя теория акустических признаков является довольно спорной, примечательно, что в этом случае она удобна: интерпретацию обнаруженного распределения легко сформулировать, опираясь на акустический различительный признак высоты звука (высокотональный ~ низкотональный, англ. *acute* ~ *grave*). Общим признаком зубных и небных согласных, с одной стороны, и гласного [e], с другой, является высокотональность, а губные и заднеязычные согласные объединяются с гласным [o] по признаку низкотональности. Таким образом, различное поведение **e* описывается как ассимиляция по акустическому признаку высоты звука.

Однако едва ли рассматриваемая ассимиляция могла быть дистантной, т. е. действовать через **l*. Можно представить себе два механизма этого процесса. Либо ассимиляции подвергалась фонема <ʎ> (т. е. аллофоны [ʎ] ~ [ʃ] были распределены в зависимости от локального ряда последующего согласного), либо же ассимиляции подвергался какой-то гласный, находившийся после сонанта. В этом случае описанная закономерность действовала на той стадии, когда **CelC* развилось в [CeleC] или какую-то близкую последовательность, например [CelyC] или [CьlyC] (см.: [Николаев 1996: 213], где доказываются существование таких региональных вариантов). Предположение о переходе **CeleC > [ColoC]* могло бы объяснить, что [ColoC] возникает и в тех словах, где **CeleC*, вероятно, исконно (*Волос, шолох*); кроме того, это вообще сделало бы несущественным для конкретных основ выяснение того, какова была праславянская форма (например, это неясно для слова *пелена*)².

¹ Отметим, что существует также колебание *пелынь/попынь* (где исконным является первый вариант, а появление [o] явно вызвано все тем же влиянием [ʃ]), *Велынь/Вопынь*; развитие начального **elC*: *лебеда/лобода, лебедь*.

² Есть и другие основы с колебанием [ele/olo]: *велет/волот, белебенить/болобонить*.

В отличие от перехода **CelC* > **ColoC*, изменение **СьС* > *СьС* происходило независимо от характера последующего согласного (ср. **ръльъ* > *полный*). Можно предложить такое объяснение: на момент действия фонетического процесса в этих сочетаниях не было гласного после [l], который мог бы подвергаться ассимиляции. Однако в тех словах, где возникало второе полногласие, могла происходить описанная ассимиляция: устюж. новг. *мельнья* 'молния' [СРНГ 18: 97].

Литература

- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Карты. Вып. 3. Ч. 1. Лексика. Минск, 1997.
- Куркина 1986 — Куркина Л. В. К реконструкции состава праславянского лексического фонда словенского языка // *Этимология*. 1984. М., 1986.
- Минлос 2002 — Минлос Ф. Р. Рефлексы праслав. **CelC* в восточнославянских языках // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 1 (3).
- Мейе 1951 — Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Меркулова 1981 — Меркулова В. А. Этимологический комментарий к диалектологической карте // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования*. 1979. М., 1981.
- Мораховская 1981 — Мораховская О. Н. Существительные с корнем *-пел-* // *-пол-* и со значениями, связанными с понятиями мякины, соломы и некоторых видов их использования // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования*. 1979. М., 1981.
- Николаев 1996 — Николаев С. Л. *Hisoire d'O* // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка*. М., 1996.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1893–1912.
- Супр. — *Супральская рукопись: Супрасълски или Ретков сборник*. София, 1983. Т. 2.
- Супрун 1972 — Супрун А. Е. К этимологии русского ошеломить, белорусского ашаламиць // *Русское и славянское языкознание. Сборник*. М., 1972.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Л., 1965—. Вып. 1—.
- Шахматов 1915 — Шахматов А. А. *Очерк древнейшего периода истории русского языка*. Пг., 1915.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.* М., 1986–1987.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. М., 1974—. Вып. 1—.

А. М. Молдован

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ¹

Несмотря на то что церковнославянский язык на протяжении веков воспринимался в качестве единого «славянского» языка, лингвистические параметры его конкретных манифестаций, как известно, всегда различались. Впечатление единства этого языка складывалось благодаря общности текста написанных на нем основных вероучительных и богослужебных книг, таких как Евангелие, Псалтирь, служебные минеи, триоди, октоихи, паремийники и др. В действительности церковнославянский язык существовал в локальных изводах, изменявшихся во времени, и в пределах этих изводов был представлен по меньшей мере двумя регистрами, ориентированными на разные функциональные категории текстов. Язык Священного Писания и литургических текстов был более стабилен и составлял своеобразное ядро церковнославянского языка, его стандартный регистр. Существование и самовоспроизведение стандартного регистра поддерживалось ориентацией на канонические образцы.

Периферию стандартного регистра образовывал язык других текстов, предназначенных отчасти для монастырского богослужения, отчасти для широкого религиозного просвещения. Это были жития, поучения, повести, апокрифы, хронографы, летописи, паломническая литература и другие сочинения, переведенные с греческого языка или создававшиеся славянскими книжниками. Они также подражали соответствующим образцам (агиограф опирался на житийную традицию, автор гомилий — на традицию гомилий и т. д.). Но по разнообразию своей тематики и содержания эти тексты неизбежно выходили за рамки тех образцов, которые могла предоставить предшествующая традиция, и это создавало более свободные условия для языкового творчества и интерференции книжной и некнижной лексики. В результате формировался гибридный или «литературный» регистр церковнославянского с широким спектром выразительных средств и большим словарем [Mathiesen 1984: 47–48].

¹ Под церковнославянским здесь подразумевается язык не только Священного Писания и литургических текстов, но и разнообразной славянской средневековой религиозной и отчасти светской книжности, поскольку все книжные тексты так или иначе ориентировались на язык Библии, при этом многие из них были вовлечены в круг религиозного чтения.